

РЕПРЕССИВНЫЙ АППАРАТ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МЕХАНИЗМЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ БОЛГАРИИ 20–30-х гг. XX ВЕКА

Период между Первой и Второй мировыми войнами (1918–1939 гг.) для европейской истории оказался очень насыщенным политическими событиями. В частности, в это время Европа стала своеобразным экспериментальным полем, на котором были испробованы различные варианты политических режимов, среди которых преобладали антидемократические. Ярким примером этого является Болгария: 20 – 30-е гг. XX в. стали для этого государства временем, когда у власти сменили друг друга шесть политических режимов. И лидеры каждого из них осуществляли перестройку государственного аппарата, основываясь на своей концепции и своем понимании сущности государства. Подавляющее большинство этих режимов, будучи авторитарными, особое внимание уделяли силовым структурам и, в частности, репрессивному аппарату, включавшему полицию и жандармерию.

Проблема реформирования репрессивного аппарата политическими режимами Болгарии, функционировавшими между мировыми войнами, в научной литературе освещалась весьма эпизодически, что и стало причиной написания данной статьи. К сожалению, российские и украинские исследователи оставили эту тему вне поля своего зрения. Лишь в работе российского болгариста Р. П. Гришиной “Возникновение фашизма в Болгарии. 1919–1925 г.” мы встречаем упоминание об отдельных аспектах реформы полицейского аппарата, проводимой режимом А. Цанкова. И поэтому основную информацию по проблеме дают работы болгарских авторов: И. Дерменджиева, В. Мигева, С. Симеонова, В. Стоянова, В. Тепавичарова.

Цель данной статьи – осветить основные направления реформирования репрессивного аппарата Болгарии, осуществлявшегося политическими режимами, функционирующими в 20 – 30-х гг. XX в.

Глубокий кризис, в который была ввергнута Болгария после окончания Первой мировой войны как государство, проигравшее эту войну, привел к коренной смене власти. В августе 1919 г. на парламентских выборах большинство получила левая аграрная партия “Болгарский земледельческий народный союз” (далее – БЗНС). Его лидер, Александр Стамболийский, возглавил коалиционное правительство, в котором преобладали представители БЗНС. На досрочных выборах, проведенных в марте 1920 г., БЗНС улучшает свой результат и формирует однопартийный кабинет. Это дало возможность начать воплощение в жизнь поддерживаемой Стамболийским теории “сословной демократии”, предполагавшей серьезное реформирование государственного аппарата. Реформы затронули и силовые структуры страны, в том числе полицейские службы.

Режим “земледельцев” репрезентовал себя как демократический, но в то же время вел достаточно жесткую политику по отношению к политическим против-

никам. Этим и определяется основное направление реформирования полиции. Коалиционным правительством А. Стамболийского в 1919 г. из административно-полицейского управления при Министерстве внутренних дел и здравоохранения было выделено и обособлено как отдельная организационная единица в центральном управлении отделение политической полиции, названное “Отделением общественной безопасности” [1]. Обеспечив победу на парламентских выборах 1920 г. формирование однопартийного кабинета, представители БЗНС инициируют принятие Народным собранием закона, предусматривавшего создание жандармерии. Закон о жандармерии от 16 ноября 1920 г. определял ее как “вооруженную силу с военной организацией и дисциплиной, предназначенную сохранять внутренний порядок, спокойствие, безопасность и следить за исполнением законов и распоряжений страны” [2]. Для жандармерии определялись следующие функции: принятие мер к предотвращению и преследованию преступлений, раскрытие и поимка преступников и нарушителей законов, обеспечение порядка и безопасности на путях сообщения, железных дорогах, почтах, телеграфах и телефонах. Сотрудники жандармерии также имели право контролировать собрания и могли распускать “всякое незаконное сборище”; в случае необходимости оказывали содействие пограничным, таможенным и финансовым органам, конвоировали арестованных, охраняли государственные и общественные учреждения и т.д. И хотя жандармерия находилась в непосредственном подчинении военного министра, она имела скорее полицейские, чем военные функции, и могла использоваться для защиты режима.

9 июня 1923 г. государственный переворот, осуществленный представителями организаций Народный сговор и Военная лига, привел к падению режима БЗНС и установлению правоавторитарного режима, в котором огромную роль играли военные. В состав правительства вошли представители оппозиционного режиму БЗНС партий, возглавил его председатель Народного сговора Александр Цанков.

Авторитарный режим А. Цанкова ставил задачу воплотить в политическую практику идею “сильной государственной власти”. Таким образом, изначально подразумевалось увеличение роли силовых структур, в том числе и полиции. А активно сопротивляющиеся режиму сторонники свергнутого режима БЗНС и взявшие курс на индивидуальный террор ультралевые в компартии требовали от властей расширения репрессивного аппарата. Министерство внутренних дел и здравоохранения, руководимое министром И. Русевым, очень быстро после переворота превратилось в один из активнейших центров проведения правительственной репрессивной политики. Это соответствовало программе нового правительства, где упоминалась, как одна из важнейших задач, необходимость организации отлично подготовленной полиции, необходимой для поддержания внутреннего порядка и борьбы с преступлениями против государства. Кадровый состав министерства был подвергнут серьезной чистке, из полиции увольнялись все недостаточно лояльные режиму, их место занимали в основном офицеры и унтер-офицеры запаса, преданные новой власти.

Особую роль в структуре полицейских органов стала приобретать служба общественной безопасности, выполнявшая функции политической полиции. Ее задачами было раскрытие, расследование и предотвращение “противоправительственной и противогосударственной деятельности” партий, организаций и отдельных лиц [3]. Расширился ее штат, возросли полномочия, были увеличены затраты на ее деятельность. Это очень четко прослеживалось в цифрах бюджета МВД, представленного парламентариям в мае 1924 г. При его обсуждении целый ряд депутатов, в частности от БЗНС, попытались показать стремление правительства использовать полицейский аппарат для политических преследований. Так, лидер левого крыла БЗНС П. Д. Петков отметил, что полиция характеризует весь режим в целом: “Она олицетворяет сегодняшнее правление, названное правлением полицейского террора. Общественная безопасность превратилась в институт политического давления, политического террора – ее называют “общественной опасностью” [4]. Показательны в этом отношении и слова министра внутренних дел И. Русева, сказанные им на заседании парламента: “Вы можете замедлить, вы можете отсрочить решение этой задачи, но мы ее решим и внесем ту политическую мораль, которая нужна Болгарии” (а точнее, новому режиму. – Т. Т.) [5].

Поскольку новые полицейские кадры (особенно унтер-офицеры запаса) не обладали должной квалификацией, была достигнута договоренность с австрийской полицией и в Вену было отправлено несколько человек для прохождения стажировки. Предполагалось и возможное командирование австрийских специалистов в Болгарию, где они должны были выполнять функции инструкторов [6]. По всей вероятности, последнее намерение в жизнь воплощено не было.

Обострение политической борьбы против режима в 1924 – 1925 гг. вызвало необходимость дальнейшего совершенствования структуры полиции. Изданный в апреле 1925 г. закон об администрации и полиции вместо бывшего полицейского административного отделения МВД создавал Дирекцию полиции как центральное исполнительное полицейское учреждение. В ее состав входило три отдела: государственной безопасности, административной полиции и криминальной полиции. Особое значение среди них имел отдел государственной безопасности. Закон следующим образом определял задачи полиции: “поддерживать общественный порядок и внутреннюю безопасность, беречь свободу, неприкосновенность, жизнь и имущество граждан, добрые нравы и общественное здоровье, предотвращать и раскрывать преступления, собирать доказательства по ним, разыскивать и ловить преступников и передавать их судебным властям, приводить в исполнение полицейские меры и указы” [7].

Новая структура Дирекции полиции, несмотря на изменение в дальнейшем названий того или иного отдела, сохранялась до 1937 г. (лишь в 1934 г. из отдела государственной безопасности выделился отдел политической полиции).

Отдел государственной безопасности в новой структуре Дирекции полиции был преемником отделения общественной безопасности и заимствовал от него созданную в 1924 г. службу наблюдения. Ее задачей был сбор сведений о нелегальных коммунистических и иных конспиративных движениях, анархистских,

а также различных национал-революционных и эмигрантских организациях, осуществление наблюдения за организацией стачек, демонстраций, собраний. На основе собранных сведений осуществлялись преследования противников режима. И в этом плане новая власть с удовольствием заимствовала иностранный опыт – австрийский, французский, германский, даже советский. Например, на страницах журнала “Полицейский” публиковались статьи с обзором деятельности советского ГПУ. Изучение зарубежного опыта позволило использовать методы внедрения агентуры, создания службы внешнего наблюдения, специальных групп по слежке и контролю объекта [8].

Еще одна служба – внешнеполитическая – контролировала и выявляла все проявления антигосударственной деятельности, а также следила за “сомнительными” болгарскими подданными за границей. Под ее контроль попадали и находящиеся в Болгарии иностранцы. Увеличение роли полиции проявилось в том, что эта служба все чаще вмешивалась в сферу деятельности военной разведки. Именно в этой службе работали наиболее подготовленные и квалифицированные кадры. И, наконец, Бюро по прессе и печати осуществляло контроль над периодическими и другими печатными изданиями, а также личной корреспонденцией граждан.

В репрессивный аппарат режима следует включить и жандармерию, численность которой составляла 6800 человек [9]. Действия жандармерии, подчиненной военному министру, согласовывались с руководством МВД. Чаще всего жандармы вместе с военными подразделениями составляли так называемые “группы преследования”, которые использовались для борьбы с нелегальными “антигосударственными” элементами. Опыт совместных действий жандармов и военных уже был, поскольку после переворота 9 июня 1923 г. власть на местах в ряде регионов устанавливалась их совместными усилиями.

В первые месяцы существования новой власти (с июня по сентябрь 1923 г.), помимо возможностей официальных репрессивных структур, режим использовал и активность своих сторонников из числа населения. Уже в первый день после переворота правительство начало формировать гражданскую полицию преимущественно из членов союза офицеров и унтер-офицеров запаса. Она состояла из добровольческих отрядов, которые успешно использовались властью для подавления сопротивления перевороту в июне 1923 г. [10]. Многие из этих отрядов просуществовали до сентября 1923 г., когда вновь были использованы для подавления антиправительственного восстания. В промежутке между этими акциями они выполняли функции временной полиции, совершали обыски, изымали документы, оружие, помогали полиции громить клубы БЗНС и БКП [11]. Деятельность этой “временной полиции” была юридически обоснована властью: министр юстиции Б. Смилов разослал на места циркуляр с требованиями принять “скорейшие меры по эффективному преодолению попыток борьбы против законно установленного нового правительства” [12]. При этом никаких ограничений в принятии таких мер не предусматривалось.

В 1926 г. А. Цанкова на посту премьер-министра сменил менее одиозный Андрей Ляпчев. Но и при нем, несмотря на некоторое смягчение режима,

большую роль в системе органов исполнительной власти продолжала играть полиция. В дополнение к существовавшей при режиме Цанкова структуре полицейских служб в 1927 г. при Дирекции полиции было создано Бюро по печати с цензорскими полномочиями [13], хотя законодательно цензура в стране не вводилась. Расширялись контакты с зарубежными полицейскими службами (в частности, Италии и Австрии), что позволяло не только использовать опыт своих коллег (особенно в Италии), но и получать информацию о деятельности болгарских коммунистов, находящихся за пределами страны. Так, из Австрии была получена информация и материалы расширенного пленума ЦК БКП, состоявшегося в сентябре 1926 г.

Очередная смена политического режима произошла в результате переворота 19 мая 1934 г. К власти пришли представители политической группы “Звено” и Военного союза, воплощавшие в жизнь концепцию нового, надклассового государства. Режим “деятелей 19 мая”, как и предшествующие, был авторитарным. Поэтому новые власти значительно увеличили роль полиции. До переворота полиция была в значительной степени связана с общей администрацией на местах – ее подразделениями руководили окружные и околийские управители. После 19 мая не было проведено полной реорганизации полиции, но была увеличена ее самостоятельность. Дирекция полиции обособилась и усилила контроль над областными и околийскими отделениями. Был усилен полицейский контроль над всеми формами общественной жизни, введено активное внедрение агентуры в общество. Начала проводиться адресная регистрация по месту жительства, что также облегчало полицейский контроль [14]. Был создан новый отдел политической полиции, контролировавший выполнение одного из первых законов нового режима – декрета о роспуске партийно-политических организаций.

Режим “деятелей 19 мая” просуществовал недолго. В течение 1935 – 1936 гг., после отстранения деятелей группы “Звено” от власти, происходит укрепление режима личной власти болгарского царя Бориса III. Авторитарный по определению, этот режим принят в июле 1937 г. Декрета о государственной полиции законодательно закрепил характерную для авторитарных режимов тенденцию усиления репрессивных функций полицейских институтов за счет функций охранительных. Утвердилась структура единой государственной полиции, которую составили Дирекция и отделы – Центральное управление, униформенная полиция, учебно-подготовительный, государственной безопасности, криминальный и административный. В структуре полиции на местах особую роль играли три службы – государственной безопасности, криминальная и административная.

Весьма интересную информацию к размышлению дает глава 10 Декрета: она определяет, что органом полиции может быть каждый, кто за жалование или без него, постоянно или временно, по назначению или по обязанности, под присягой или без нее берет на себя осуществление полицейской деятельности [15]. Таким образом, размывается понятие полиции как особого органа исполнительной власти и узаконивается возможность осуществления полицейских функций

административными органами, не входящими непосредственно в вышеупомянутую структуру государственной полиции. В дальнейшем, уже в годы Второй мировой войны, эта тенденция будет доведена до логического завершения, когда околийские управители будут определены “прямыми” начальниками полицейских органов.

В соответствии с декретом полиция получила право принудительного переселения на новое местожительство до шести месяцев под полицейский контроль. Эта мера распространялась на “лиц, опасных для государственной безопасности и государственного порядка”, “распространителей злонамеренных, тревожных или ложных слухов”. Декрет также давал полиции право устанавливать жесткий контроль над всеми общественными заведениями и закрывать на срок до полугода те из них, которые могут служить местом пребывания лиц, “опасных для общественного порядка”. Полиция также получила право на полный контроль за общественной жизнью: ни одно собрание не могло быть проведено без ее разрешения; полицейские контролировали ход собрания и могли вмешиваться в него, а собрания, созданные без соблюдения требований, закрепленных декретом, разгонялись [16].

Таким образом, анализ политики режимов Болгарии, функционировавших в 20 – 30 гг. XX в., позволяет заметить общие тенденции относительно реформирования репрессивного аппарата: подключение к осуществлению репрессивных функций иных, кроме полиции, структур (жандармерии, гражданской полиции); расширение структуры и функций полицейского аппарата; уделение особого внимания отделам, выполняющим функции политической полиции; использование опыта полицейских служб других государств.

Литература

1. Дерменджиев И. Развитие на държавния апарат в България по време на управлението на Българския земеделски народен съюз / И. Дерменджиев // Годишник на Софийския ун-т. (Юрид. фак.). – 1964. – Т. 55, кн. 2. – С. 330.
2. Там же. – С. 333.
3. Стоянов В. Политическата алтернатива юни 1923 – 4 януари 1926 / В. Стоянов, В. Тепавичаров. – София : Климент Охридски, 1992. – С. 304.
4. Стоянов В. Към въпроса за характера на военнофашистката диктатура на Александър Цанков, идеята за създаване на “силна държавна власт” и опитите за нейното осъществяване / В. Стоянов // Обществено-политическият живот на България. 1878 – 1944. Изследвания по Българска история. – София, 1990. – Т. X. – С. 268.
5. Там же. – С. 269.
6. Гришина Р. П. Возникновение фашизма в Болгарии. 1919 – 1925 г. / Р. П. Гришина – София : Изд-во БАН, 1976. – С. 145.
7. Симеонов С. 120 години от създаването на МВР / С. Симеонов // 120 години изпълнителна власт в България. – София : Изд. къща “Гутенберг”, 1999. – С. 68.
8. Там же. – С. 70.
9. Стоянов В. Към въпроса за характера на военнофашистката диктатура на Александър Цанков. – С. 269.
10. Недев Н. Александър Стамболийски и заговорът / Н. Недев. – София, 1984. – С. 216-218.
11. Йонов М. Ролята на армията за утвърждаване на фашистката власт в България (юли 1923 – декември 1925 г.) / М. Йонов // Известия на Института за военна история. – 1981. – Т. 32. – С. 64-65.
12. Стоянов В. Политическата алтернатива юни 1923 – 4 януари 1926. – С. 26.

13. Натан Ж. Цензори и журналисти: Преследването не легалния печат на БКП, 1926 – 1934 / Ж. Натан. – София, 1980. – С. 18.
14. Мигев В. Утвърждаване на монархо-фашистката диктатура в България 1934 – 1936 гг. / В. Мигев. – София : Изд-во БАН, 1977. – С. 59.
15. Симеонов С. 120 години от създаването на МВР. – С. 71.
16. Мигев В. Формиране на концепцията за парламентарна модел на българската монархофашистката държава (1937 – 1938) // Изследвания на българска история. – София, 1990. – Т. X. – С. 306.

Анотація

Татолі Т.В. Репресивний апарат у державному механізмі політичних режимів Болгарії 20–30-х рр. XX століття. – Стаття.

У статті висвітлюються основні напрями реформування репресивного апарату Болгарії, що здійснювалося політичними режимами, які функціонували в 20 – 30-х рр. XX ст.: режимом Болгарського землеробського народного союзу (1920 – 1923 рр.), режимом Олександра Цанкова (1923 – 1926 рр.), режимом “діячів 19 травня” (1934 – 1935 рр.), режимом особистої влади Бориса III (1936 – 1943 рр.).

Ключові слова: Болгарія, режим особистої влади, репресивний апарат

Summary

Tatoly T.V. Repressive system in the state mechanism of Bulgarian political regimes in the 20th-30th years of the XX century. – Article.

In the article it is shown the main trends of reforming of Bulgarian repressive system which was realized by political regimes functioning in the 20th -30 th years of the XX th century: the regime of Bulgarian National Union of Landowners (1920-23), the regime of Alexander Tsankov (1923-26), the regime of “statesmen of May, 19” (1934-35), the regime of personal power of Boris III (1936-43).

Key words: Bulgaria, regime of the personal power, repressive apparatus.

УДК 340.15(73):342.83

Н.В. Аніщук

ІСТОРІЯ РОЗРОБКИ ТА ПРИЙНЯТТЯ ХІХ ПОПРАВКИ ДО КОНСТИТУЦІЇ США (ЩОДО НАДАННЯ ВИБОРЧОГО ПРАВА ДЛЯ ЖІНОК)

Однією з важливих проблем у сфері прав жінок є реалізація політичних прав жінок, зокрема виборчого права, яка на сьогодні потребує наукового розгляду. Хоча в сучасному світі у більшості країн жінки здобули виборче право на конституційному рівні, однак виникає нова проблема у сфері вдосконалення його на законодавчому рівні, зокрема в аспекті гендерного квотування. Вирішення цієї проблеми потребує, зокрема, й звернення до сторінок історії, зокрема до американського досвіду. Адже на сьогодні США – це країна, яка займає лідируючі